

Административное и муниципальное право

Правильная ссылка на статью:

Поярков С.Ю., Гончаров В.В., Спектор Л.А., Безуглов С.В. Монархический конституционализм в условиях глобальной трансформации: адаптивные механизмы и институциональные парадоксы централизованных и децентрализованных моделей (на примере Саудовской Аравии и ОАЭ) // Административное и муниципальное право. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.5.76505 EDN: HLIRPJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76505

Монархический конституционализм в условиях глобальной трансформации: адаптивные механизмы и институциональные парадоксы централизованных и децентрализованных моделей (на примере Саудовской Аравии и ОАЭ)

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

350007, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Химзаводская, 48, оф. 4

✉ niipg2025@mail.ru

Гончаров Виталий Викторович

кандидат юридических наук

заместитель директора по научной работе Кубанского филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения "Федеральный научный центр пищевых систем им. В. М. Горбатова" Российской академии наук

350042, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Колхозная, д. 3

✉ niipgergo2009@mail.ru

Спектор Людмила Александровна

кандидат юридических наук

доцент, декан факультета «Юриспруденция, социальные технологии и psychology» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в городе Шахты Ростовской области

346500, Россия, Ростовская область, г. Шахты, ул. Шевченко, 147

✉ niipg2030@mail.ru

Безуглов Сергей Вячеславович

кандидат юридических наук

доцент, кафедра государственного и международного права; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет им. И.Т. Трубилина"

350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. им. Калинина, д. 13

✉ niipg2010@mail.ru

Статья из рубрики "Административное и муниципальное право и другие отрасли права"**DOI:**

10.7256/2454-0595.2025.5.76505

EDN:

HLIRPJ

Дата направления статьи в редакцию:

23-10-2025

Дата публикации:

30-10-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена сравнительно-правовому анализу адаптивных механизмов и институциональных парадоксов централизованных и децентрализованных моделей монархического конституционализма в условиях глобальной трансформации (на примере Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов). В работе исследуется теоретико-правовой контекст соотношения понятий конституционализма и монархизма. Монархический конституционализм обосновывается авторами как самостоятельная модель нормативного порядка, способная к институциональной адаптации и правовой трансформации без разрушения собственных основ. В контексте этого подхода исследование централизованных и децентрализованных моделей (на примере Саудовской Аравии и ОАЭ) открывает возможность для осмыслиения альтернативных форм конституционного устройства, основанных на иных принципах, но подчинённых тем же задачам - обеспечению устойчивости власти, предсказуемости правовых решений и баланса между традицией и необходимостью перемен. В работе использован ряд научных методов исследования, в частности: формально-логический; историко-правовой; сравнительно-правовой; статистический; социологический; методы интерполяции и экстраполяции; метод оценки конкретных политico-правовых ситуаций, институциональный анализ, компаративный подход, метод нормативной герменевтики. Авторы анализируют централизованную (Саудовская Аравия) и децентрализованную (ОАЭ) модели монархического конституционализма, отмечая как схожие их черты, так и индивидуализирующие признаки. В работе исследованы перспективы трансформации монархического конституционализма на примере указанных стран. Авторы приходят к заключению, что монархический конституционализм является особой адаптивной формой современного конституционного порядка, обладая реальной нормативной продуктивностью, заключающейся, в том числе, в возможности полноценного обеспечения согласования интересов в обществе, минимизации конфликтов, воспроизводстве социальной солидарности и институциональной устойчивости без обращения к стандартам, внешним для данной правовой культуры. Цель исследования состоит в выявлении адаптивных механизмов, применяемых в указанных государствах для сохранения устойчивости политической системы в условиях глобальной правовой трансформации, а также в анализе тех институциональных парадоксов, которые неизбежно возникают при попытке встроить конституционные формы в монархическую парадигму управления.

Ключевые слова:

монархический конституционализм, глобальная трансформация, адаптивные механизмы, институциональные парадоксы, централизованная модель, децентрализованная модель, Саудовская Аравия, ОАЭ, глобальный конституционализм, оптимизация

Введение

В современном мире, переживающем интенсивную правовую, политическую и институциональную трансформацию, вопрос о пределах и возможностях конституционализма в рамках недемократических, а тем более - монархических систем власти, становится не только теоретически значимым, но и практически весьма актуальным. На фоне очевидного сдвига в сторону гибридизации форм государственного управления, усиления авторитарных тенденций и одновременно расширения глобального дискурса о правах человека и верховенстве права, монархические режимы, особенно в государствах Ближнего Востока, привлекают к себе особое внимание как примеры устойчивых, но неочевидных моделей адаптации к вызовам нового правового времени. Принято считать, что конституционализм в своей классической, либерально-демократической форме несовместим с идеей абсолютной или династической власти. Однако реальная политico-правовая практика демонстрирует иную картину: монархические режимы не просто выживают, но и эволюционируют, заимствуя и трансформируя элементы процедурного и нормативного конституционализма в собственные рамки легитимации. Это особенно заметно на примере таких государств, как Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты - государств, демонстрирующих противоположные модели политico-территориального устройства (централизация и децентрализация), но объединённых общей стратегией институционального сохранения монархической власти в условиях модернизации.

На этом фоне возникает исследовательская проблема, лежащая в основе данной работы: насколько и каким образом монархические режимы могут адаптироваться к трансформирующемуся глобальному конституционализму, не утратив при этом собственной легитимности, основанной не на народном суверенитете, а на религиозной, культурной и династической традиции. Вопрос этот выходит за рамки чисто правового анализа и требует обращения к смежным дисциплинам - политологии, теории легитимации, правовой антропологии. Однако ключевая задача в рамках конституционно-правового исследования заключается в том, чтобы выявить и описать правовые механизмы, с помощью которых указанные режимы интегрируют элементы конституционного порядка в свою нормативную систему, при этом обходя или переосмысливая центральные принципы либерального конституционализма, прежде всего - идею народовластия, разделения властей и системы сдержек и противовесов.

В качестве методологической основы настоящего исследования используется компаративный подход, позволяющий сопоставить две различные модели монархического конституционализма - централизованную, представленную Саудовской Аравией, и децентрализованную, в лице Объединённых Арабских Эмиратов. Такой выбор обусловлен не только территориальной и институциональной противоположностью, но и тем, что оба государства активно участвуют в глобальных экономических и политических процессах, что делает их примерами «адаптирующихся» монархий. Метод институционального анализа позволяет выделить конкретные правовые формы и процедуры, посредством которых обеспечивается функционирование публичной власти,

а элементы нормативной герменевтики применимы при интерпретации актов основного законодательства, не всегда формализованных в виде классической конституции (как в случае с Основным законом Саудовской Аравии от 1992 года).

Целью исследования становится выявление адаптивных механизмов, применяемых в указанных государствах для сохранения устойчивости политической системы в условиях глобальной правовой трансформации, а также анализ тех институциональных парадоксов, которые неизбежно возникают при попытке встроить конституционные формы в монархическую парадигму управления. Исследование направлено не столько на критику или апологию конкретных режимов, сколько на выявление тенденций и внутренних логик, определяющих эволюцию восточного монархического конституционализма в контексте вызовов XXI века: цифровизации, трансграничности прав, давления со стороны международных институтов и запросов на институциональную эффективность со стороны населения.

Научная новизна исследования заключается, прежде всего, в попытке переноса концепции адаптивного конституционализма - ранее разрабатывавшейся преимущественно в контексте переходных демократий и либеральных систем - на правовые структуры монархических государств, традиционно рассматриваемых как экстерриториальные по отношению к идеологии конституционализма. В то время как в академической литературе [3; 7] преобладают подходы, либо рассматривающие монархические системы как исключение из конституционного правила, либо сводящие конституционализм к формальному наличию нормативного документа, в настоящем исследовании предпринимается попытка осмыслить их в логике институциональной адаптации - как особые режимы, способные трансформировать форму власти при сохранении её содержательной сути. Особенно интересен в этом контексте случай ОАЭ, где децентрализованный федерализм сочетается с архаичной структурой династической власти, при этом демонстрирует высокую административную и нормативную эффективность. [1, с. 84-109; 11, с. 177-214] Саудовская Аравия же, напротив, представляет пример предельной централизации, при которой обновление происходит преимущественно в экономико-управленческом, а не правовом аспекте. [2, с. 2586-2616]

Таким образом, данная статья ставит перед собой задачу выстроить целостную картину трансформации монархического конституционализма, обращая внимание не только на внешние проявления модернизации, но и на внутренние механизмы нормативной и институциональной адаптации. В условиях, когда универсальность либеральной модели конституционализма подвергается сомнению, и мир всё активнее ищет альтернативные правовые архетипы, подобные исследования приобретают особую значимость - не как способ нормализации авторитарных практик, а как путь к расширению горизонтов самого понятия конституционализма.

Теоретико-правовой контекст: монархия и конституционализм

Конституционализм как феномен, изначально складывался в оппозиции к неограниченной, произвольной власти, выступая в роли правового механизма сдерживания и структурирования политического господства. Его исторические корни уходят в глубь западноевропейской правовой традиции, где становление конституционной идеи связано, с одной стороны, с философскими концепциями общественного договора и естественных прав (Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо), а с другой - с институциональной борьбой за ограничение королевского абсолютизма (Билль о правах 1689 года в Англии, Конституция США 1787 года, французская Конституция

1791 года). В этом смысле конституционализм как правовая категория формировался как антипод абсолютной монархии, призванный закрепить верховенство закона и перераспределение власти в сторону представительных институтов. Однако подобное понимание конституционализма, доминировавшее в классических теориях, постепенно трансформировалось, особенно в постколониальную эпоху и в условиях глобализации, когда конституционные конструкции стали появляться и в системах, фундаментально отличающихся от исходного европейского прототипа.

В контексте монархических режимов, особенно тех, чья легитимация основана на религиозной или династической традиции, идея конституционализма претерпевает значительные смысловые и структурные трансформации. Формальное наличие основного закона или его функционального аналога (как, например, Основной закон Саудовской Аравии 1992 года) не всегда означает принятие стандартов конституционного правопорядка в западном понимании. Как справедливо отмечает Н. Браун, многие арабские монархии используют конституции не как инструменты ограничения власти, а как средства институциональной артикуляции монархического контроля, подчеркивающие сакральную природу правителя и его исключительное положение вне рамок обычного публичного права.^[17] Конституция в таких случаях становится не ограничением власти, а её юридическим обрамлением, встраивающим религиозные и традиционные нормы в нормативную ткань государства.

Постепенно в научной и правовой мысли происходит сдвиг от формального к процедурному и далее к сетевому конституционализму, где акцент делается не на тексте как таковом, а на процедурах, институтах и практике ограничения власти и защиты прав. В рамках этих новых парадигм становится возможным рассматривать даже традиционные и религиозные режимы как обладающие элементами конституционального порядка, если они демонстрируют устойчивые механизмы урегулирования власти, институциональную преемственность и определённые гарантии прав личности. В этом контексте появляются концепции «гибридного» или «адаптивного» конституционализма, подчеркивающие, что конституционализм как категория может быть реконцептуализирован в условиях иных правовых и культурных предпосылок. В условиях современных монархий - особенно исламских - это приобретает особое значение, так как речь идёт о нормативных системах, где конституция должна не разрушать традицию, а, напротив, интегрироваться в неё.

Такое сосуществование различных правовых начал - религиозного (исламского), традиционного (обычаи племени или династии), и рационально-управленческого (бюрократического) - становится характерной чертой современных монархических государств, особенно в государствах Персидского залива. Именно это сплетение норм и источников права, где шариатские предписания сосуществуют с административным регламентом и неформализованными процедурами, образует особый тип правопорядка - гибридный, но устойчивый. Как подчёркивает Е. Lust-Okar в своих исследованиях, подобные гибридные конструкции являются не переходной формой, а устойчивой институциональной моделью, в которой власть правителя не ограничивается классическим разделением властей, но оказывается связанной не менее действенными - хотя и неформализованными - механизмами, включая семейные советы, религиозные авторитеты, экономические интересы и даже внешние альянсы.^[10; 17]

Восточные модели легитимации, в противоположность западным, не основываются на идеи народного суверенитета как единственного источника власти. Вместо этого в исламском мире, и особенно в монархиях залива, политическая власть получает

легитимность из сакрального авторитета (в лице Пророка и шариата), исторического права династии, либо признания племенной или клановой иерархии. Это не исключает наличия определённой формы общественного согласия, но оно реализуется в иных институциональных формах - через советы шуры, семейные договоры, и в некоторых случаях - через конституционные акты, которые скорее подтверждают существующий порядок, чем трансформируют его. Как подчеркивает М. Al-Rasheed, монархический режим Саудовской Аравии основывается не на концепции делегированной власти, а на идее «ответственного покровительства» (guardianship), где правитель несёт моральную ответственность перед Богом и исламской уммой, а не перед парламентом или народом. [\[4, с. 587-601\]](#)

Это противопоставление западной и восточной легитимации особенно ярко проявляется в их отношении к праву: если в западной традиции право выступает как внешний ограничитель власти, то в восточной — как её источник, обеспечивающий не сдерживание, а направленность. В рамках шариатского подхода законы выражают божественную волю, и власть правителя легитимна постольку, поскольку он действует в её рамках. В этом смысле даже отсутствие конституции в западном понимании не означает отсутствия нормативной структуры - напротив, она может быть замещена религиозно-правовыми принципами, обладающими высшей юридической силой. Именно здесь проявляется принципиальное различие между нормативным универсализмом либерального конституционализма и нормативным плюрализмом, характерным для монархических исламских правопорядков.

Тем не менее, в условиях глобализации, внешнеполитического давления и растущего запроса на эффективность управления, эти режимы не могут оставаться полностью изолированными от общемировых правовых тенденций. Возникает необходимость в формальной институционализации власти, пусть даже в особых, гибридных формах. Это приводит к созданию уникальных правовых конструктов, сочетающих элементы традиции, религии и управленческого рационализма. Примером может служить обновление Основного закона ОАЭ и его институциональных дополнений, где структура федерации сочетается с реальной властью монархов отдельных эмиратов, в особенности Абу-Даби. Эти элементы модернизации не разрушают фундамент легитимации, но позволяют адаптироваться к меняющемуся миру, в том числе в цифровом и международно-правовом измерении.

Таким образом, теоретико-правовой контекст современного монархического конституционализма оказывается существенно шире, чем традиционное представление о нем как о временном или несамодостаточном явлении. Речь идёт о самостоятельной модели нормативного порядка, способной к институциональной адаптации и правовой трансформации, не разрушая при этом собственных основ. В рамках этого подхода исследование централизованных и децентрализованных моделей (на примере Саудовской Аравии и ОАЭ) открывает возможность для осмыслиения альтернативных форм конституционного устройства, основанных на иных принципах, но подчинённых тем же задачам - обеспечению устойчивости власти, предсказуемости правовых решений и баланса между традицией и необходимостью перемен.

Централизованная модель: Саудовская Аравия

Монархическая модель Саудовской Аравии, представляющая собой одну из наиболее устойчивых и закрытых форм автократического правления, нередко оказывается в центре научных дискуссий о природе и пределах современного конституционализма. Несмотря на формальное наличие Основного закона, обнародованного в 1992 году

указом короля Фахда (Royal Decree № A/90), этот документ не признаётся в научной литературе в качестве конституции в полном смысле этого слова. Он не закрепляет механизмов разделения властей, не предусматривает формы участия граждан в осуществлении власти и не содержит положений о подотчётности главы государства. В преамбуле отсутствует упоминание о народном суверенитете как источнике власти, который, в контексте западного конституционного мышления, рассматривается в качестве ключевого принципа. Вместо этого в статье 1 Основного закона утверждается, что Саудовская Аравия есть суверенное арабское исламское государство, руководствующееся в управлении Книгой Аллаха и Сунной Его Пророка. Тем самым закрепляется концепция божественной, а не народной легитимации власти.

Такое положение дел предполагает кардинально иную нормативную онтологию: источником права и власти в данном контексте выступает не коллективная воля гражданского общества, а сакральная иерархия, опирающаяся на религиозный текст и историческую преемственность власти Аль Саудов. Шариат, провозглашённый в ст. 7 Основного закона как основа законодательства, не является одним из источников права, а признаётся верховным и единственным источником, что исключает нормативный плюрализм в его либеральной интерпретации. Это положение поддерживается и воспроизводится в судебной практике, административном управлении, а также в публичной риторике представителей власти, утверждающих, что подлинная правовая система уже существует и не требует замены или модернизации. При этом любой шаг в направлении политической реформы неизбежно сталкивается с необходимостью сохранять видимость религиозной ортодоксии, даже если на практике власть действует pragmatically и технократично.

Институциональная структура государства, в частности Совет шуры, формально представляет собой квазипарламентский орган, члены которого назначаются королём и выполняют консультативные функции. Согласно ст. 8 Основного закона, правление должно основываться на справедливости, шуре (советах) и равенстве в соответствии с исламскими нормами. Однако отсутствие выборности, законодательной инициативы и подлинной подотчётности делает этот институт символическим, особенно с точки зрения классических конституционных представлений о представительной демократии. Я. Фарук подчёркивает, что, несмотря на периодические расширения компетенций Совета шуры, он по-прежнему лишён реальной политической функции, оставаясь в тени абсолютной власти короля и наследного принца.^[17] Более того, даже обсуждаемые в Совете вопросы строго регламентируются сверху, что делает невозможной спонтанную или инициативную законодательную деятельность.

На этом фоне особый интерес представляет программа «Vision 2030», запущенная по инициативе наследного принца Мухаммеда бин Салмана как стратегический план модернизации королевства. Внешне она представляет собой набор амбициозных реформ, охватывающих экономику, образование, государственное управление и социальные практики. Однако важной особенностью этой программы является её неинституциональный характер: «Vision 2030» не оформлена в виде закона или нормативного акта с правовыми гарантиями и обязательствами.

Её реализация осуществляется посредством указов, директив и распоряжений, нередко вне процедурной транспарентности. Под прикрытием экономических преобразований происходит переустройство ключевых сфер управления - однако при этом исключаются любые формы политической либерализации. Вопрос о разделении властей, политическом представительстве или свободе выражения мнений даже не ставится, что подчёркивает

приоритет сохранения централизованного контроля над процессом изменений.

Современная западная литература, анализирующая трансформации в Саудовской Аравии, всё чаще обращает внимание на дилемму между внешней модернизацией и внутренней политической статичностью. Эта двойственность хорошо прослеживается в работах исследователей, утверждающих, что речь идёт о модели «авторитарной модернизации» (authoritarian modernization), в которой технологическое и институциональное обновление используется как средство укрепления власти, а не её перераспределения. [4, с. 587-601] Это особенно наглядно проявляется в цифровизации государственного управления, развитии платформ для электронной идентификации, мобильного доступа к услугам и внедрения «умных» систем управления. Всё это демонстрирует способность режима к технологической адаптации, не затрагивая при этом основу политического режима - абсолютную монархию, основанную на религиозно-династической легитимации.

Наблюдаемое в Саудовской Аравии правовое развитие, таким образом, порождает специфические институциональные парадоксы. С одной стороны, формализуются и даже эксплицитно артикулируются элементы современного управления - от цифровых регистров до управленческих стандартов в госаппарате. С другой - конституционно-правовая структура государства остаётся вне рамок процедурного конституционализма. Уникальность ситуации заключается в том, что трансформационные процессы не оформляются в виде новой конституционной парадигмы. Как указывает Я. Фарук в вышеназванной работе, реформы происходят внутри структуры, которая официально провозглашает непреложность и завершённость своего нормативного основания - шариата. Это делает возможной особую форму адаптации, при которой трансформация сочетается с декларацией неизменности, а институциональные новации укладываются в рамки традиционного политico-правового нарратива.

Таким образом, модель Саудовской Аравии представляет собой пример централизованного и религиозно легитимированного правопорядка, в котором модернизационные процессы не противопоставляются традиции, а структурируются через неё. Конституционная специфика здесь заключается не в тексте, а в механизмах его интерпретации и применения, а правовая динамика - не в изменении основ, а в изменении контекста, в котором эти основы реализуются. Это создаёт уникальную ситуацию, в которой идеи конституционализма взаимодействуют с реальностью абсолютной власти, трансформируясь в формы, не укладывающиеся в традиционные типологии.

Децентрализованная модель: Объединённые Арабские Эмираты

Несмотря на внешне демонстрируемую стабильность и институциональную упорядоченность, конституционная модель Объединённых Арабских Эмиратов представляет собой весьма нетривиальную правовую конструкцию, сочетающую в себе элементы жёсткой децентрализации и централизованного контроля. Федеральная конституция 1971 года, формально принятая в качестве временного документа, фактически приобрела свойства долговременного правового фундамента, не утрачивая при этом своей внутренней двойственности.

С одной стороны, она конституирует федеративное устройство (ст. 1), с другой - закрепляет ключевые механизмы управления, характерные для унитарных и персоналистских политических систем. Такая дилемма обусловлена не только историческими обстоятельствами образования государства и балансом между эмирятами,

но и попыткой обеспечить функциональную устойчивость без риска подрыва местной лояльности и управляемости.

Децентрализованная природа Эмиратов проявляется прежде всего в исключительном уровне автономии, предоставленной каждому субъекту - эмирату. Статьи 45-137 Конституции, регламентирующие систему федеральных и эмирских органов власти, по сути формируют правовой каркас уникальной модели «эмирского федерализма», в рамках которого каждый эмират сохраняет значительный контроль над внутренними делами, включая налоговую политику, вопросы земельной собственности и даже оборонную готовность. Примечательно, что ряд положений (например, ст. 116 и 121) устанавливает компетенцию Федерации лишь в отношении строго ограниченного круга вопросов, оставляя за эмиратаами определяющее влияние в остальных сферах. Однако в действительности это формально равноправное распределение полномочий нивелируется политико-экономическим доминированием Абу-Даби, обладающего ресурсным, военным и дипломатическим превосходством. Такая асимметрия порождает эффект «федерализма без федерализма», когда центральные институты формально существуют, но фактически их координирующая роль подменена властью одного субъекта, усиливающего свою гегемонию под прикрытием нормативного консенсуса.

В условиях стремительной цифровизации и утверждения управленческого прагматизма особое значение приобрели правительственные инициативы по трансформации публичного сектора. Программа «Smart Government», а также последующие проекты в рамках стратегии «UAE Centennial 2071» не только переформатировали доступ к государственным услугам, но и радикально изменили представление о публичной подотчётности. Электронные платформы, такие как «UAE PASS» и «ТАММ», институционализировали новые формы взаимодействия между гражданином и государством, формируя цифровую инфраструктуру, в которой процедурная прозрачность компенсирует отсутствие прямых демократических механизмов. В таких условиях цифровая трансформация приобретает квазилегитимирующую функцию, выступая не просто как управленческий инструмент, но как суррогат общественного участия. По сути, цифровое гражданство здесь оформляется как услуга, а не как политическое право. В контексте эмирской автономии такие платформы позволяют сохранять и укреплять вертикальную структуру власти, не создавая предпосылок к формированию горизонтальных механизмов контроля или представительства.

Институциональная стабильность Объединённых Арабских Эмиратов достигается не через консолидацию демократических процедур, а через постоянную коррекцию административной архитектуры в соответствии с вызовами времени. Как подчёркивает Д. Робертс, именно способность гибко адаптироваться, не отказываясь от авторитарного ядра, позволяет Эмиратаам избегать системных сбоев, характерных для других государств Персидского залива. [\[13\]](#) В частности, федеративная модель функционирует в условиях постоянного перераспределения ресурсов и полномочий между эмиратаами, что снижает риск эскалации конфликтов и одновременно укрепляет центральную власть за счёт экономических и технологических рычагов.

Тем не менее проблема подотчётности остаётся принципиально нерешённой: органы власти в эмиратах, за редкими исключениями, не связаны обязательствами перед населением в смысле парламентской или электоральной ответственности. На практике это означает, что институты, обеспечивающие обратную связь, либо отсутствуют, либо выполняют номинальную функцию. Национальный федеральный совет, выполняющий роль консультативного органа, имеет ограниченные полномочия и не наделён

законодательной инициативой, а его члены лишь частично избираются (по факту назначаются) посредством ограниченной электоральной коллегии, чьё формирование не носит открытого характера.

Правовая действительность Эмиратов, таким образом, демонстрирует сложную гибридную конструкцию, в которой сочетаются традиционные формы власти, цифровой управленческий рационализм и формальные элементы федерализма, лишённые содержательной демократической подоплеки. Такая модель уклоняется от жёсткой типологии: она не является ни классическим федеративным государством, ни типичной децентрализованной унитарной системой. Скорее, речь идёт о правовом симбиозе, в котором авторитет традиции и авторитарной иерархии не исключает функциональной модернизации и административной рационализации. При этом именно децентрализация выступает в качестве механизма политического смягчения, позволяющего сохранять баланс интересов между эмирскими элитами и укреплять внутреннюю устойчивость, не вовлекаясь в процессы политической либерализации. Конституция 1971 года, вопреки своему временному статусу, выполняет роль нормативной оболочки для глубоко персонализированного механизма управления, в котором власть осуществляется через сеть династических связей и лояльностных каналов, а не через публично-правовые формы представительства.

Эта особенность находит отражение и в международной правовой литературе. Так, в работах Н. Абиада подчёркивается, что децентрализация в Эмиратах - не проявление плюрализма, а механизм внутреннего согласования между центрами власти, каждая из которых обладает определённым суверенитетом в пределах частной юрисдикции, действующей вне сферы публичного контроля. [\[1, с. 84-109\]](#) Такой подход к федерализму разрушает западные шаблоны, предполагающие первичность народа как источника власти и выборность представителей как обязательный атрибут публичной легитимности. В контексте Эмирата легитимация строится по вертикали: от традиции - к эффективности, от управления - к авторитету, от стабильности - к праву. Именно эта инверсия политико-правовых оснований и определяет специфику конституционного порядка, в котором цифровая трансформация парадоксальным образом становится не стимулом демократизации, а её институциональным суррогатом.

Сравнительный анализ адаптивных механизмов

Конституционно-правовые механизмы адаптации монархических государств Ближнего Востока, представленные на примере Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратах, выявляют сложное сочетание устойчивости и трансформации, в котором формальные правовые конструкции соседствуют с глубинными структурами власти, определяемыми традицией, религией и управленческой прагматикой. В рамках сравнительного анализа обнаруживается наличие устойчивого паттерна авторитарной легитимации, сохраняющейся за счёт обращения к религиозной ортодоксии, историческому наследию и культуре политического повиновения, но при этом постепенно приспосабливающейся к вызовам глобализации, цифровизации и институциональной конкуренции.

Общие черты, объединяющие две модели, наиболее ярко проявляются в характере легитимации власти. В обеих юрисдикциях основа суверенитета отнюдь не коррелирует с идеей народного суверенитета как конституционной аксиомы, принятой в большинстве западных правопорядков. Вместо этого легитимность возводится к божественному источнику - в Саудовской Аравии через строгую приверженность салафитскому исламу, в ОАЭ - через гибридную конструкцию эмирского авторитета, вписанного в формальный

федерализм. Так, как отмечает Y. Farouk, система политической репрезентации в Королевстве устроена как система имитации обратной связи без создания прогосударства для политического участия, а подобное положение воспроизводится и в Эмиратах, где политические формы участия либо деполитизированы, либо подчинены административной рациональности.

Несмотря на различие в институциональной архитектуре - унитаризм с абсолютной монархией в одном случае и децентрализованный федерализм с сохранением эмирской автономии в другом - обе модели демонстрируют выраженную тенденцию к адаптации формальных структур без пересмотра основ распределения власти. Это позволяет говорить о своеобразной «мимикрии» конституционных форм под изменяющиеся условия внешнего мира, при которой сохраняются традиционные центры принятия решений. Примером здесь служит пересмотр механизмов административного управления в рамках стратегий «Vision 2030» и «Smart Government» соответственно в Саудовской Аравии и ОАЭ. Эти программы не пересматривают политическую модель как таковую, но вводят элементы цифровой трансформации, которые представляют собой форму управленческого pragmatизма, ориентированного на функциональную модернизацию без изменения социальной иерархии власти.

Различия между государствами проявляются прежде всего в степени и форме институциональной гибкости. Централизованный характер власти в Саудовской Аравии позволяет проводить реформы от имени единого политico-религиозного центра, что обеспечивает высокую степень координации, но ограничивает возможности региональной вариативности. В ОАЭ, напротив, федеративная форма в виде формального распределения компетенций между центром и эмирятами (ст. 45-137 Конституции 1971 г.) создает потенциал для локальной инициативы, но одновременно усиливает дисбаланс между Абу-Даби и остальными эмирятами. В этом контексте анализ федеральных механизмов ОАЭ позволяет говорить о «федерализме без федерализма», где нормативная оболочка института не сопровождается развитой практикой ответственности и контроля.

Также различна степень цифровой зрелости и институционального обновления. В то время как Саудовская Аравия делает ставку на управленческую централизацию в рамках единого цифрового центра, стремясь к созданию «цифрового государства с исламской спецификой», ОАЭ действуют через конкуренцию между эмирятами, стимулируя институциональные инновации на региональном уровне. Это различие позволяет говорить о «разнополярной адаптации» в условиях одного культурно-правового контекста.

На этом фоне идея адаптивного конституционализма приобретает особую эвристическую ценность. В отличие от классического конституционализма, основанного на верховенстве конституции как нормативного центра политической системы, адаптивный подход предполагает рассмотрение конституционного порядка как открытой, эволюционирующей структуры, способной изменяться не через ломку юридических оснований, а через управленческую перенастройку и институциональные мутации. Такой подход хорошо укладывается в критику формалистской интерпретации конституционализма, представленную, например, в работах R. Hirschl и A. Shachar, которые подчёркивают, что устойчивость современного правопорядка определяется не количеством демократических институтов *per se*, а их способностью справляться с вызовами комплексности и фрагментации. [\[8, с. 425-456; 16, с. 665-670\]](#)

В контексте Саудовской Аравии и ОАЭ это означает существование парадокса -

конституционные тексты либо отсутствуют (в классическом понимании), либо обладают временным и фрагментарным характером, однако при этом правовые системы демонстрируют устойчивость, управляемость и способность к реформированию. Здесь уместно обратиться к категории «функциональной эффективности» и подчеркнуть, что реальная ценность конституционного устройства в этих государствах измеряется не декларативными нормами, а способностью сохранять легитимность и управляемость в условиях глобального давления.

Тем самым возникает напряжение между формальной фиксацией норм и их эмпирическим применением. Конституция здесь - не только (и не столько) текст, сколько «живая система диспозитивов», в которых правовая традиция переплетается с процедурами согласования и иерархического управления. Возникает вопрос: следует ли оценивать такие модели через призму несоответствия либеральным стандартам, либо рассматривать их как устойчивые формы правового выживания в культурно-специфическом контексте?

Анализ подтверждает, что адаптивный конституционализм может быть полезен для понимания устойчивости правопорядков, в которых формальные элементы конституционализма присутствуют лишь фрагментарно, а системная стабильность достигается за счёт управленческой рациональности, сакральной легитимации и цифровой трансформации. В этой связи возникает необходимость разработки методологии, способной уловить правовые мутации не только по букве конституции, но и по фактической практике её реализации в условиях недемократических политических режимов.

Перспективы трансформации монархического конституционализма

Конституционные монархии Ближнего Востока, обладая устойчивыми культурными и религиозными основаниями власти, все чаще оказываются перед выбором между сохранением сакральной легитимации и необходимостью институционализации механизмов политического участия. Этот выбор — не только проявление политической воли, сколько результат множества пересекающихся факторов: от трансформации глобального нормативного поля до изменений в структуре внутренней легитимности. В условиях растущей взаимозависимости и давления со стороны международного права, институтов экономической оценки (включая ESG-повестку), а также требований к цифровой прозрачности, традиционные системы легитимации власти начинают испытывать внутреннее напряжение. Их стабильность более не может быть гарантирована лишь символической властью, даже если она опирается на религиозную санкцию, как это происходит в Саудовской Аравии, или на племенную консолидацию и договорные основания федерации, как в Объединённых Арабских Эмиратах.

Конституционализм в монархическом контексте, будучи исторически оформлен как правовая оболочка суверенного правления, сталкивается с вызовом трансформации без утраты идентичности. Здесь возникает дилемма: либо адаптироваться, сохранив обрядовую и религиозную природу власти, но при этом инкорпорировать элементы процедурной транспарентности, либо модернизироваться институционально, рискуя размыть основы традиционного суверенитета. Ряд авторов, включая Н. Брауна [6] и Л. Садики, [15] указывают на парадоксальные эффекты «постисламской» модернизации, при которой попытка ввести элементы публичного участия нередко ограничивается управляемыми форумами и контролируемыми консультативными органами, не затрагивая ядро монархического доминиона.

Особенно показательной в этом контексте становится проблема конституционной фиксации. Саудовская Аравия продолжает функционировать в логике «мягкой» конституции, где Основной закон 1992 года скорее кодифицирует порядок, чем конституирует отношения между государством и гражданами. В свою очередь, конституция ОАЭ, формально принятая как временная в 1971 году, так и не была заменена на постоянную, однако стала устойчивым нормативным основанием для практики федерализма *«sui generis»*, в котором доминирование одного эмирата (Абу-Даби) сочетается с автономией других. Таким образом, формально сохраняющийся правовой контекст скрывает глубокие институциональные различия, предопределяющие возможные векторы трансформации.

Цифровая открытость становится ещё одним каналом давления на замкнутые политico-правовые системы. Программы «Smart Government», как в ОАЭ, или цифровая трансформация, заложенная в «Vision 2030» Саудовской Аравии, трансформируют административные процедуры, не затрагивая непосредственно политическую форму. Но они способствуют развитию новых форм подотчётности - через цифровые платформы обратной связи, рейтинговые системы и управленические дашборды, которые в перспективе могут перерости в полноценные институциональные механизмы общественного контроля. При этом, цифровизация в монархиях Залива парадоксальным образом создаёт инфраструктуру участия без участия, эмулируя демократическую вовлечённость без политического плюрализма.

Глобальные вызовы, связанные с ESG-повесткой, особенно касающиеся прав человека, инклюзивного развития и устойчивости, подталкивают режимы к определённой переоценке основ власти. Международные рейтинги, от которых зависят инвестиционные потоки, требуют минимальных показателей институциональной прозрачности и социальной вовлеченности. Возникает ситуация, когда внешнее давление не требует демократизации в классическом западном смысле, но требует отчётности, предсказуемости и формальной транспарентности - что, в свою очередь, способно запустить эволюционные механизмы правовой институционализации. Например, работа Д. Робертса, указывает на важность «институционального PR» как средства политической адаптации - через реформы, направленные не на перераспределение власти, а на смягчение имиджевых рисков.

Тем не менее, передача властных функций институциям, не затрагивающая монархическую основу, остается ограниченной. В монархиях сохраняется символическая сакральность правителя, подкреплённая религиозной легитимацией, которая препятствует формированию полноценного публичного прогосударства политической конкуренции. В этом смысле идея «процедурного конституционализма», развиваемая в работах Р. Белами [\[5\]](#) и М. Розенфельд, [\[14, с. 291-319\]](#) может оказаться эвристически ценной: она предлагает видеть не столько нормативную структуру, сколько процедурные гарантии баланса, допускающие эволюционные изменения без разрушения ядра легитимности. Интеграция таких элементов в монархический контекст может происходить через институционализацию консультативных форматов, цифровых парламентов или платформ для краудсорсинга законодательства - как формы имитации участия с потенциалом к эволюции в реальные механизмы участия.

Дополнительный вектор размышлений связан с вопросом о возможности конфессиональной конституционализации как формы адаптации. Принимая во внимание, что и в Саудовской Аравии, и в ОАЭ ислам (в разных версиях) выступает не только источником права, но и онтологией государственной власти, возникает гипотеза о

потенциальном оформлении религиозной основы власти в более системную правовую форму. Речь идёт не о секуляризации, а, скорее, о систематизации норм шариата в логике гибридного позитивного права, что могло бы создать прогосударство для правовой прогностики и институциональной гибкости. Этот путь активно обсуждается в современной исламской правовой доктрине как способ легалистской модернизации без отхода от традиционной парадигмы.

Наконец, не исключён и сценарий постмонархической адаптации - не как революционный переход, а как форма перераспределения полномочий в рамках династической системы, сохраняя символическую фигуру правителя, но передавая управление технократическим структурам. Такой путь уже частично реализуется в рамках делегирования полномочий наследным принцам, технократическим министерствам и цифровым структурам. В определённом смысле речь идёт не о смене режима, а о метаморфозе конституционной идентичности - от вертикали сакральной власти к сетевой модели процедурного управления.

Таким образом, трансформация монархического конституционализма - это не бинарный выбор между традицией и модернизацией, а сложный процесс адаптации, в котором религиозные и культурные основания легитимности сосуществуют с новыми управлениемскими и нормативными императивами. Конституционное право в данном контексте выступает не только фиксирующим фактором, сколько инструментом стратегической гибкости и правовой инженерии в условиях глобального давления и внутреннего запроса на устойчивость.

Заключение

Конституционализм, укоренённый в монархической парадигме, представляет собой не только реликт традиционной политico-правовой организации власти, но и особую форму нормативной жизнеспособности, устойчивость которой проявляется вопреки отсутствию демократических основ в их привычном (либеральном) понимании. Эта форма демонстрирует высокую степень способности к адаптации, основанной не на институциональной открытости, а на гибком перераспределении центров влияния внутри сакрализованной структуры, где верховенство закона выступает не только как средство ограничения власти, сколько как способ легитимации её трансформации. Современные примеры, в том числе арабские монархии Персидского залива, выявляют устойчивую тенденцию к переработке прежних форм легитимации через механизмы технологической модернизации и управления, которые маскируют инвариантность принципов политической иерархии.

В этом контексте конституционализм предстает как категория, в которой правовая форма отнюдь не всегда тождественна содержанию. Принятие или формальное существование конституционного акта, равно как и наличие определённых институтов (парламент, суд, исполнительные органы), не свидетельствует само по себе о наличии либеральной или демократической модели. При этом на Ближнем Востоке, в условиях отсутствия независимой судебной власти и подлинной подотчётности институтов политическая практика превращает конституцию в инструмент мобилизации лояльности, а не контроля власти. Подобная функциональная переориентация институциональной конструкции иллюстрирует возможность устойчивого сосуществования конституционной формы и нелиберального содержания.

При этом адаптивный потенциал монархических систем выражается не в демократизации, а в институциональной селективности — способности заимствовать элементы,

усиливающие управляемость, цифровую рационализацию и экономическую результативность, при сохранении политического монопольного центра. Этот феномен, выступающий как «управляемая модернизация», не предполагает смещения акцентов в сторону расширения политического участия, а, напротив, усиливает технократический авторитаризм. Таким образом, демократия здесь не выступает конечной целью, а представляет собой возможный источник системного риска. Альтернативой ей становится стратегически адаптированный правопорядок, способный встраивать международные и технологические требования в логически закрытую систему сакральной легитимации.

Именно отсюда проистекает ключевая проблематика: традиционная парадигма оценки конституционного порядка оказывается неадекватной в условиях, когда устойчивость не зависит от либеральных принципов. Модели, основанные на конституционной идентичности, подразумевающей историко-культурную уникальность, требуют переоценки не только в плане нормативного содержания, но и в плане функционального подхода к легитимности и эффективности. В контексте постлиберальных мировых трендов — включая усиление национального суверенитета, сомнение в универсальности прав человека, кризис демократического представительства — становится необходимым выход за пределы прежних методологических установок, в которых конституционализм сводится исключительно к нормативной демократизации.

Такие подходы уже просматриваются в современной теории. И можно утверждать, что в новых геополитических и социокультурных условиях возникает запрос на переопределение самой цели конституционного порядка: не как формальной защиты индивидуальных прав в либеральной рамке, а как обеспечения культурно обоснованной стабильности и предсказуемости. Сходная мысль развита и в исследованиях Р. Гиршля, указывающего на возможность существования «политически нелиберального, но правого институционализированного порядка», [\[9\]](#) в котором источником легитимности выступает не процедура, а результат — и прежде всего результат устойчивого воспроизведения национальной идентичности.

Таким образом, рассматривая монархический конституционализм как особую адаптивную форму современного конституционного порядка, необходимо уходить от бинарных противопоставлений «демократия - авторитаризм», «либеральный - нелиберальный», «современный - архаичный». В центре внимания должен оказаться вопрос о реальной нормативной продуктивности: насколько правопорядок способен обеспечивать согласование интересов, минимизацию конфликтов, воспроизведение социальной солидарности и институциональную устойчивость без обращения к стандартам, внешним для данной правовой культуры. В этом отношении монархические системы, несмотря на внешнюю закрытость и сакрализацию власти, оказываются на удивление гибкими: они абсорбируют элементы цифрового управления, селективно имплементируют международные обязательства, выстраивают модели подотчётности не в форме политического представительства, а через вертикально интегрированную систему контролируемой ответственности.

Подобная нормативная реальность, не укладывающаяся в привычные каноны, требует переосмыслиния самой сущности современного конституционализма. В частности, необходимо признать, что либеральная нормативная рамка может быть лишь одной из возможных форм, а не универсальным эталоном. Альтернативные модели, основанные на иных типах легитимации — религиозной, культурной, технократической — не только существуют, но и демонстрируют определённый уровень жизнеспособности. Концепт «адаптивного конституционализма», встраивающийся в более широкий дискурс

нелиберальных форм конституционного правопорядка, позволяет зафиксировать это многообразие и предложить иное основание для сравнительного анализа, в котором ключевыми станут не абстрактные принципы, а эмпирические показатели устойчивости, гибкости и результативности правовой системы в контексте её собственной культурно-исторической матрицы.

Библиография

1. Abiad N. The Functional Federalism of the UAE. *Perspectives on Federalism*. 2024. Vol. 15, No. 1-2. P. 84-109. URL: https://www.researchgate.net/publication/385513674_The_Functional_Federalism_of_the_United_Arab_Emirates (дата обращения: 10.08.2025).
2. Althiyabi A. Judicial Evolution in the Kingdom of Saudi Arabia: An Analysis of Structural Reforms and its Role in Enhancing Legal Consistency. *Sharia and Law Journal*. 2024. Vol. 43. P. 2586-2616.
3. Al-Rasheed M. Muted Modernists: The Struggle over Divine Politics in Saudi Arabia. New York: Oxford University Press, 2015. 199 p.
4. AlRasheed M. Modernizing authoritarian rule in Saudi Arabia. *Contemporary Arab Affairs*. 2009. Vol. 2, No. 4. P. 587-601. URL: https://www.researchgate.net/publication/233072044_Modernizing_authoritarian_rule_in_Saudi_Arabia (дата обращения: 10.08.2025).
5. Bellamy R. Political Constitutionalism: A Republican Defence of the Constitutionality of Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 282 p.
6. Brown N. J. The Rule of Law in the Arab World. Courts in Egypt and the Gulf. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 258 p.
7. Brown N. J. Constitutions in a Nonconstitutional World: Arab Basic Laws and the Prospects for Accountable Government. Albany, NY: State University of New York Press, 2002. 244 p.
8. Hirsch R., Shachar A. Competing Orders? The Challenge of Religion to Modern Constitutionalism. *The University of Chicago Law Review*. 2018. Vol. 85, No. 2. P. 425-456.
9. Hirsch R. Comparative Matters: The Renaissance of Comparative Constitutional Law. Oxford: Oxford University Press, 2014. 318 p.
10. Lust-Okar E. Structuring Conflict in the Arab World: Incumbents, Opponents, and Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 296 p.
11. Nasrallah F. The United Arab Emirates: Forging Federalism. *Al-Abhath*. 2022. Vol. 70, No. 1-2. P. 177-214. DOI: 10.1163/18115586-70010107. EDN: TIMAUR.
12. Nisrine A. The Functional Federalism of the United Arab Emirates. *On Federalism*. 2023. Vol. 15, No. 1-2.
13. Roberts D. B. Security Politics in the Gulf Monarchies: Continuity Amid Change. New York: Columbia University Press, 2023. 320 p.
14. Rosenfeld M. A pluralist critique of contractarian proceduralism. *Ratio Juris*. 1998. Vol. 11, No. 4. P. 291-319. DOI: 10.1111/1467-9337.00093.
15. Sadiki L. The Search for Arab Democracy: Discourses and Counter-Discourses. New York: Columbia University Press, 2004. 479 p.
16. Shachar A. The return of the repressed: Constitutionalism, religion, and political pluralism. *International Journal of Constitutional Law*. 2010. Vol. 8, No. 3. P. 665-670.
17. Yasmine F., Brown N. Saudi Arabia's Religious Reforms Are Touching Nothing but Changing Everything. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/06/07/saudi-arabia-s-religious-reforms-are-touching-nothing-but-changing-everything-pub-84650> (дата обращения: 10.08.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора